

Х. М. Мурзо-заде

РУДАКИ-
ОСНОВОПОЛОЖНИК
ТАДЖИКСКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ VI
№ 13

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат филологических наук
Х. М. МИРЗО-ЗАДЕ

РУДАКИ — ОСНОВОПОЛОЖНИК
ПЕРСИДСКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Издается по рекомендации Общества
по распространению политических
и научных знаний
Таджикской ССР*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

МОСКВА

1958

Брошюра рассказывает о жизни и творениях классика персидской и таджикской поэзии Рудаки, 1100 лет со дня рождения которого будет широко отмечаться в конце 1958 года.

Из истории родины Рудаки

Классик персидской и таджикской литературы Абуабдулло Рудаки родился в селении Рудак, расположенном в нескольких десятках километров от древнего города Пенджикент (Таджикская ССР). Селение Рудак лежит по обеим берегам речки Уредж, в живописной долине, окруженной горами. Похоронен Рудаки в соседнем селении Панджруд. Развалины старинного каменного забора окружают огромный сад, созданный много веков назад вокруг могилы великого поэта.

В далекие времена край этот подвергался неоднократным нашествиям, завоеватели разрушали и грабили города и селения, а сад Мири, как его называют, оставался цел и невредим, и только время накладывало на него свой отпечаток.

Места эти рождают воспоминания о великих исторических событиях. В 333 году до нашей эры во главе согдийцев, одних из далеких предков таджикского народа, мужественный Спитамен боролся здесь с когортами Александра Македонского за свободу родного края. Расположенное недалеко озеро Искандеркуль ведет свое название со времени нашествия Александра Македонского. Около Самарканда, к округе которого некогда принадлежал Пенджикент, находятся древние развалины Афросияба, где далекие предки таджикского народа выдерживали шестимесячную осаду войск Александра.

А спустя несколько веков здесь происходили жестокие сражения с наступавшими на Среднюю Азию войсками арабского халифата, а затем с полчищами Чингисхана.

В районе города Пенджикент, лежащего на пути от Самарканда в Рудак, уже много лет ведутся археологические изыскания. Долину реки Зарафшан, на левом берегу которой лежит Пенджикент, когда-то населяли согдийцы.

Пенджикент был центром богатой древней культуры. Раскопки обнаружили прекрасные образцы древней настенной многокрасочной росписи и показали, что здесь процветало высокоразвитое ремесленное производство — ткачество и выделка разнообразной посуды.

Эта часть Средней Азии, так называемый Мавераннахр¹, имела тесные торговые и культурные связи с Грецией, Ираном, Индией, Китаем, Египтом и Сирией.

Процесс объединения таджиков на одной территории в единую народность, с единым языком и культурой, процесс создания феодального государства начался еще в VI веке, но арабское завоевание сильно помешало этому. В своей борьбе против завоевателей таджикский народ претерпел много трудностей и лишений.

В X веке, в результате общенародной борьбы против арабского халифата на протяжении VIII—IX веков, в жизни таджиков произошли значительные изменения. Было создано относительно централизованное феодальное государство с династией Саманидов во главе. От господства иноземных завоевателей была освобождена западная часть страны, успешно отражались набеги кочевников, хотя на востоке они все еще угрожали культурным городам и богатым земледельческим районам Средней Азии.

Саманиды опирались в укреплении таджикского государства на местную аристократию. Поэтому, хотя народ и был избавлен от захватнической политики халифата, что давало возможность развивать самостоятельную экономику и культуру, социальный и классовый гнет сохранился.

В X веке таджикские города — Бухара, Самарканд, Ургенч, Мерв, Нишапур, Балх и родина Рудаки — верховье долины Зарафшана — превратились в большие ремесленные, торговые и культурные центры. Появились даже такие ремесленные мастерские, в которых работало большое число искусных мастеров, как, например, мастерская «Байт-уттироз» (Дом искусства).

Получила развитие выплавка металлов, изыскивались богатства земных недр. Необходимость ирригации для полива посевов и садов, а также для благоустройства городов вызвало создание очень хорошей для того времени системы каризов² и арыков.

В большие города стремились люди науки и литературы. Одним из самых крупных культурных центров Востока в X веке стала Бухара.

Подъем литературы сопровождался возрождением местных традиций и обычаев, противопоставлением арабскому языку таджикского.

В X веке сформировалась новая письменная таджикская литература на языке фарси, или дари³, которая легла в ос-

¹ Мавераннахр — буквально «по ту сторону реки», то есть северная, правобережная сторона Аму-Дарьи.

² Кариз — подземный оросительный канал.

³ Фарси — общенародный язык таджиков и персов с начала средних веков.

нову таджикско-персидской классической поэзии. К этому времени относится собирание эпических героических сказаний, на основе которых появляются различные варианты «Шахнаме» («Книга о царях»), в том числе и самое блестящее воплощение иранского героического эпоса — «Шахнаме» Фирдоуси.

Широкое распространение получает переводческая деятельность писателей и ученых с арабского, сирийского и греческого языков. Бурный рост литературы сопровождается расцветом музыки, архитектуры, каллиграфии и других видов искусства. Наконец, широкое развитие получают медицина, химия, математика, астрономия, геология, ботаника и др. Огромная библиотека X века в Бухаре свидетельствовала, что этот город, наравне с Багдадом, столицей арабского халифата, превратился в крупный научный центр.

Развитию литературы и наук в немалой степени способствовало широкое покровительство, которое оказывали писателям и ученым местные аристократы и в первую очередь род Саманидов, который в целях укрепления своей власти был заинтересован в подъеме культуры и развитии местных традиций в стране.

Однако положение трудовых масс — ремесленников и крестьян — не улучшилось. И хотя в основном рабство было ликвидировано, земледельцы (кашоварзы) по-прежнему находились в жестокой зависимости от помещиков, крупных землевладельцев (дехкан) и от религиозных учреждений. В результате расширения форм феодальной эксплуатации в государстве Саманидов положение трудовых масс даже ухудшилось.

В VIII—X веках стремление избавиться от гнета и эксплуатации феодалов и полностью освободиться от власти арабских захватчиков было заветной мечтой и основной целью народа.

Одной из форм антифеодальной оппозиции было религиозное движение карматов. Возникшее в VIII веке, это движение имело много общего с широко распространенным на Ближнем и Среднем Востоке исмаилизмом¹. Проповедь общинного равенства привлекала к карматскому движению массы закабаленного феодалами крестьянства. Многие передовые люди того времени воспринимали карматство как оппозицию феодальному гнету и как призыв к социальному равенству. Но карматское движение с самого начала своего возникновения было крайне противоречиво. Имея большое количество сторонников среди крестьян и ремесленников, боровшихся против феодального гнета, оно, с другой стороны, привлекло местную аристократию, бывшую в оппозиции

¹ И с м а и л и з м — еретическое течение в мусульманской религии около VIII века и позже.

к центральной феодальной власти. Поэтому к карматскому движению примыкали многие представители феодальной знати и даже крупные сановники Саманидского государства. Позднее карматское учение принял и сам эмир Наср II. Это вызвало серьезное недовольство ортодоксального мусульманского духовенства, которое вместе с представителями дворцовой гвардии организовало заговор. Ввиду создавшегося критического положения в государстве Наср II вынужден был отказаться от престола в пользу своего сына Нуха, которого нельзя было обвинить в симпатиях к карматскому учению. При эмире Нухе началось преследование карматского движения, и с тех пор оно стало существовать здесь лишь как тайное течение.

В симпатии к карматскому движению были обвинены и подверглись за это преследованию и такие выдающиеся представители таджикской культуры, как Рудаки, Фирдоуси и Абуали-ибн-Сина. К этому времени относится, вероятно, ослепление Рудаки и изгнание его из эмирского двора.

После кровавых событий 938 года начинается упадок Саманидского государства. Волнения среди народа, придворные распри, феодальные междоусобицы и серьезные финансовые затруднения, возникшие в первые же годы правления Нуха, привели к такому ослаблению государства, что оно не смогло противостоять нашествию извне. В 992 году на эту часть территории Средней Азии вступили первые отряды кочевых племен Караханидов, а в 999 году Саманидское государство прекратило свое существование.

Жизнь Рудаки

Абуабдулло Рудаки родился приблизительно в 243 году хиджры, или в 858 году нашей эры.

До 1940 года место рождения Рудаки точно не было известно. Одни считали родиной поэта Бухару, другие — Самарканд, третьи — селение Панджруд. Имя поэта встречалось в двух формах: Абулхасан и Абуабдулло. Что касается псевдонима, то о его происхождении существовали две версии. По одной из них, прозвище «Рудаки» происходило от названия музыкального инструмента «руд» (лютня), на котором Рудаки прекрасно играл. По другой — от названия селения Рудак, откуда родом был поэт.)

Ясность в эти вопросы внес крупнейший таджикский писатель и первый таджикский советский литературовед Садриддин Айни. На основе сообщения «Китаб-ул-ансаб» («Книги генеалогий») ас-Сам'ани (XII в.), в которой родиной поэта названо селение Рудак (или Панджруд), и бесед с колхозниками этого селения Айни пришел к убеждению, что родиной Рудаки необходимо считать селение Рудак нынеш-

него Пенджикентского района Таджикской ССР и что прозвище поэта происходит от названия этого селения; слово «Самарканди», встречающееся после псевдонима Рудаки, означает, что селение Рудак примыкает к округе Самарканда. Садриддину Айни принадлежит и честь открытия погребения Рудаки. На основе авторитетных источников и материалов научной экспедиции, организованной на родину поэта, Айни установил, что местом погребения Рудаки является кишлак Панджруд, упоминаемый старинным хронистом Идриси.

В связи с приближающимся празднованием 1100-летия со дня рождения Рудаки Академия наук Таджикской ССР и Союз советских писателей Таджикистана предприняли попытку разыскать могилу поэта и произвести ее раскопки. С этой целью в конце 1956 года была снаряжена специальная экспедиция во главе с известным советским антропологом-скульптором М. М. Герасимовым, работа которой увенчалась успехом. Профессору М. М. Герасимову удалось отыскать могилу Рудаки и доказать, на основе тщательного анализа обнаруженных в ней останков, подлинность места его погребения. В настоящее время профессор М. М. Герасимов закончил работу над воспроизведением подлинного портрета Рудаки по черепу, найденному в Панджруде.

К какому сословию принадлежал Рудаки — точно не известно, но предполагают, что он выходец из бедной семьи.

Начиная с конца X века в литературе встречается утверждение, что Рудаки с рождения был слепым. О слепоте Рудаки пишет и его современник Абузироа Гургони в своем пасквиле на поэта, слава которого не давала Гургони покоя. Однако в этом стихотворении нет указаний на то, что Рудаки был слепым от рождения.

Таджикский писатель и ученый конца XII — начала XIII века Мухаммад Ауфи Бухорои в своей антологии «Лубаб-ул-албаб» («Сердцевина сердец») утверждал, что Рудаки «родился слепым, но был столь талантлив и восприимчив, что к восьми годам знал наизусть весь Коран и стал чтецом Корана».

Составители последующих антологий повторяли это высказывание Мухаммада Ауфи. Этому же мнению придерживались многие советские исследователи творчества Рудаки вплоть до 1958 года. Французский ориенталист Дж. Дармстедтер прямо не отрицает слепоту Рудаки, однако замечает, что «взор Рудаки видел так ясно, что порою мы подвергаем сомнению правдивость легенды, ибо неожиданно крупную роль играют краски в тех стихотворениях, которые от него остались... и нам кажется, что он слишком забывает свою слепоту»¹.

¹ Дж. Дармстедтер. Происхождение персидской поэзии, стр. 18. 1925 г.

В самом деле, если бы Рудаки был слепым от рождения, то пышный и роскошный двор Саманидов вряд ли принял бы его к себе в качестве придворного поэта. Кроме того, реалистические описания в произведениях Рудаки убедительно говорят о том, что это был поэт, который имел возможность наблюдать жизненные явления своими собственными глазами. Прекрасные картины природы, созданные Рудаки, делают версию о врожденной слепоте поэта крайне сомнительной. Удивительно ярко рассказывает он о красоте гурий, приводя эпитеты, взятые из мира цветов и красок:

Есть в одних садах тюльпаны, розы, лилии — в других,
Ты — цветник, в котором блещут все цветы земных широт.

Ярче розы твой румянец, шея — лилии белей,
Зубы — жемчуг многоценный, два рубина — алый рот.
(Перевод В. Левика)

После вскрытия могилы в Панджруде профессор Герасимов установил по скелету, что Рудаки был высокого роста. Это подтверждается произведениями самого поэта. В «Оде старости» Рудаки говорит, что в молодости он был красив:

Ты знаешь ли, любовь моя, чьи кудри словно мускус,
О том, каким твой пленник был во времена иные?

Теперь чаруешь ты его прелестными кудрями, —
Ты кудри видела его в те годы молодые?
(Перевод С. Липкина)

О ранних годах жизни Рудаки имеется очень мало достоверных сведений. Поэтические, музыкальные и певческие способности, а также его большие познания говорят о том, что Рудаки имел богатые природные данные и воспитывался среди людей, имевших близкое отношение к искусству, музыке и поэзии. Из древних источников известно, что (музыке и пению Рудаки обучался у большого мастера IX—X веков Абу-лаббоса Бахтиёра. В искусстве Рудаки помогала его замечательная память. Он играл на музыкальном инструменте чанге, который упоминается в следующих стихах:

По струнам Рудаки провел рукой,
Запел он о подруге дорогой.

(Перевод С. Липкина)

В некоторых источниках указывается, что в восьмилетнем возрасте Рудаки выучил наизусть Коран. Этот рассказ свидетельствует в первую очередь о его блестящей памяти.

Впервые слава о Рудаки распространилась на его родине, в Рудаке. Постепенно о нем узнали во всей долине Зарафшана, которая, как мы уже говорили, являлась одним из культурных центров Саманидского государства.

В первые годы правления Насра II Ахмада Саманида (914—942 гг.) слава о больших поэтических способностях Рудаки проникла также и в Бухару и ее окрестности.

Можно предположить, что Рудаки не сразу попал в Бухару. Вероятно, покинув родное селение, он прежде всего направился в Самарканд, который был тогда главным городом долины Зарафшана и вторым центром политической, экономической, научной и литературной жизни Саманидского государства в X веке. Без больших знаний, без опыта в области литературы и искусства большинству провинциальных поэтов и певцов вряд ли был бы доступен сразу двор Саманидов, при котором находились видные поэты, ученые и наиболее образованные люди того времени. Когда Рудаки пригласили в Бухару (год этого приглашения неизвестен), он был уже поэтом, певцом и музыкантом в расцвете таланта и сил и хорошо владел арабским языком, который можно было изучить только в духовных школах больших центров. Знание арабского языка подтверждается тем, что Рудаки переложил в стихи с арабского языка притчи «Калила и Димна» и составил арабско-таджикский словарь в стихах. Судя по произведениям Рудаки, он был осведомлен и в вопросах астрономии и греческой философии.

(Близкий друг Насра II, видный государственный деятель Саманидского государства Абулфазл Бал'ами, указывает, что Рудаки был не только выдающимся поэтом, но и большим ученым своего времени. Анализ произведений Рудаки и имеющиеся, хотя и очень скудные, данные говорят о том, что при дворе Саманидов Рудаки был скорее поэтом-наставником, чем панегиристом, восхвалявшим властителей.

Рудаки стремился влиять на эмира и придворных, и поэтому в его творчестве этого периода основное место занимают стихи наставительного характера.

О силе влияния Рудаки на Насра II говорит ученый и поэт XI—XII веков Низоми Арузи Самарканди в своем произведении «Чахор макола» («Четыре трактата»): «Из приближенных правителя никто не был более блестящим в мудрости своей, чем Устод Рудаки». И для доказательства рассказывает следующий эпизод.

(Несмотря на то, что Бухара в правление Саманидов была благоустроенным городом, имела прекрасные сады, цветники и роскошные дворцы, Наср II в летнюю жару ежегодно уезжал или в долину Зарафшана и Фергану или в Герат. Климат Герата особенно понравился Насру II, и он прожил здесь подряд три года, управляя отсюда государством. Военачальники, солдаты, придворные, бывшие вместе с ним в Герате, но тосковавшие по родной Бухаре, не смели обратиться к эмиру с просьбой о возвращении домой. И они попросили Рудаки написать такую оду, которая призывала бы эмира вернуться в город. Рудаки произнес перед эмиром под звуки чанга свою знаменитую импровизацию, начинающуюся словами:

Плешет, блещет Мулиён, маия зовет,
Та, в которую влюблен, меня зовет.

В город счастья, в Бухару, спеши, эмир,
Шлет она тебе поклон, меня зовет.

Ты — луна, а Бухара — небесный свод,
Что луною озарен, меня зовет.

Ты платан, а Бухара — цветущий сад,
Листьев шум, пернатых звон меня зовет...

(Перевод С. Липкина)

Эта импровизация оказала такое действие, что эмир сел на коня и немедленно поскакал в Бухару.

Эпизод этот свидетельствует о том, что, очевидно, Рудаки сопровождал Насра II в военных и официальных государственных поездках, принимал участие в различных празднествах и приемах при дворе Саманидов. Одно из таких торжеств описывает и сам Рудаки в оде «Модари май» («Мать вина»), созданной в честь победы Насра II над мятежными феодалами. Рудаки участвовал также в путешествии в Балх, о чем сообщает суфийский поэт Фаридаддин Аттор (умер в 1221 г.) в одной из своих поэм. (В Балхе Рудаки встретился с поэтессой Робия Балхи, читал и слушал ее стихи.

Рудаки бывал и в других городах Саманидского государства. Так, источники сообщают, что он посетил город Газну (на юге современного Афганистана).

За свои стихи Рудаки получал ценные подарки от Насра II, вазиров и военачальников и, наконец, стал состоятельным человеком. Сам поэт говорит в «Оде старости» так:

Тогда звенел я соловьем, слагая песнопенья,
Тогда я гордо обходил пути, края земные.

Заслушивался Хорасан твореньями поэта
Их переписывал весь мир, чужие и родные.

Мне сорок тысяч подарил властитель Хорасана,
Пять тысяч дал Эмир Макана, — даренья недурные.

И тем и этим я владел в блестящий век Саманов,
От них — величье, и добро, и радости мирские.

(Перевод С. Липкина)

Рудаки стал богатейшим человеком, однако по-прежнему все свое внимание уделял науке и поэзии. Он следовал принципу: не гордиться богатством и не быть его рабом.

Радостная и полная достатка жизнь кончилась для Рудаки после политического переворота в 938 году. Радость сменилась печалью, сладость жизни превратилась в горечь, поэт стал нищим. Рудаки писал об этих годах:

Но изменились времена, и сам я изменился,
Дай посох: с посохом, с сумой должны брести седые.

(Перевод С. Липкина)

После переворота духовенство, военщина и реакционеры начали наступление против передовых людей. Многие ученые и поэты были изгнаны из двора Саманидов. Изгнали и лишили всех прав и Рудаки. Ряд исторических источников указывает, что поэт именно тогда был ослеплен. Этот факт подтверждается тщательным изучением его черепа и скелета.

Сам Рудаки писал позднее в своих стихах, что у него чистое сердце, здоровый характер и лицо красивое и румяное, однако его оклеветали и причинили глубокие страдания, ослепив его:

О трех рубашках, красавица, читал я в притче седой.
Все три носил Иосиф, прославленный красотой.

Одну окровавила хитрость, обман разорвал другую,
От благоуханья третьей прозрел Иаков слепой.

Лицо мое первой подобно, подобно второй мое сердце,
О если бы третью найти мне начертано было судьбой!

(Перевод В. Левики)

Старость поэта прошла в душевных терзаниях и бедности.

Умер он в 941 году и был похоронен на своей родине. Его могила стала местом народного паломничества.

Литературное наследие Рудаки

Поэт XII века Рашиди Самарканди говорит о том, что литературное наследие Рудаки было огромным и что ни один из поэтов не создал столько произведений, сколько Рудаки. Он пишет:

Если кто-либо из поэтов обретет в мире
Главенство своей прекрасной поэзией,
То Рудаки достоин главенства над такими поэтами.
Стихи его я прочитал тринадцать раз сто тысяч,
А будет и больше, если ты посчитаешь как следует.

На этом основании некоторые ученые считают, что у Рудаки было тринадцать раз по сто тысяч, то есть один миллион триста тысяч мисра (стихов). Мухаммад Ауфи сообщает, что, по преданию, Рудаки было написано сто сборников (тетрадей). Разумеется, что число это преувеличено, так как даже такой плодовитый поэт, как великий Фирдоуси, создал свою эпопею «Шахнаме» в объеме 120 000 мисра. Бедиль за 60 лет творчества создал 100 000 мисра.

Очевидно, стихи Рашиди Самарканди следует читать так:

Я прочитал его стихи тринадцать раз,
Их сто тысяч, а будет и больше, если посчитать как следует.

К сожалению, в результате величайших исторических бедствий, а именно нашествия монгольских орд во главе с Чин-

гисханом, земли, населенные таджиками, не раз подвергались разрушению и разграблению. При этом погибали и уничтожались величайшие книгохранилища. Погибло и богатое литературное наследие Рудаки, и до нас дошла, вероятно, лишь сотая часть того, что он создал.

В «Китаб-ул-ансаб» («Книга генеалогий») ас-Сам'ани о существовании дивана¹ Рудаки и его широкой популярности в странах Аджама² сообщается следующее: «Диваны его стихов распространены в странах Аджама. И говорят, что он — первый из складывающихся прекрасные стихи на фарси».

В других источниках имеются краткие сведения о двух других произведениях Рудаки: дидактических поэмах «Калила и Димна» и «Синдбаднома» (Книга о Синдбаде). «Калила и Димна» была составлена в 932 году и включала 12 тысяч байтов (двустихий), из которых до нас дошло лишь несколько десятков.

Предполагают, что Рудаки было написано всего семь поэм, но ни одна из них до нас не дошла.

Сохранившееся до наших дней поэтическое наследие Рудаки говорит о том, что поэтом были разработаны основные жанры классической поэзии. Он писал свои произведения в форме маснави (стихотворная форма с парной рифмовкой строк), газелей (лирическое стихотворение не более 18 строк), рубои (четверостишия), кит'а (короткое стихотворение из двух, трех или более двустихий), а также касиды³.

Из касид Рудаки до нашего времени дошли уже упоминавшиеся касиды-оды, условно именуемые «Модари май» («Мать вина») и «Дар васфи Бухоро» («В прославление Бухары»), касиды-элегии на смерть Шахида Балхи и Муроди Бухорои и касида биографического характера — условно «Шикоят аз пири» («Ода старости»).

Рудаки был поэтом, творчество которого отражало важнейшие черты общественной жизни таджикского государства в X веке и служило духовным потребностям широких народных масс. Думы о судьбе народа, жизненная трагедия поэта и его придворная служба — все это воплощено в блестящей поэтической форме его произведений.

В произведениях Рудаки нашли свое отражение вопросы общественной жизни, мудрость назиданий, любовь, описание природы и традиционные восхваления.

Великий писатель не может не отразить жизнь, думы и

¹ Диван — в восточной поэзии — сборник стихов

² А д ж а м — страны неарабского Востока.

³ Рифмовка в касиде такая же, как в газели, но количество полустихий в ней может быть любое и по содержанию она более многообразна, чем газель (панегирическая, философская ода, сатира и т. п.).

чаяния широких народных масс. В произведениях, которые были созданы Рудаки до переезда в Бухару, а затем и после изгнания, звучит тема недовольства народа своей тяжелой жизнью.

Произведения, созданные в годы жизни поэта при дворе, написаны в форме мудрых нравоучений для правящего класса, но продиктованы они любовью и сочувствием поэта к горькой судьбе простых людей:

Те, перед кем ковер страданий постлало горе, — вот кто мы;
Те, кто скрывает в сердце пламень и скорбь во взоре,—вот кто мы;
Те, кто игрою сил враждебных впряжен в ярем судьбы жестокой,
Кто носится по воле рока в бурлящем море, — вот кто мы.

(Перевод В. Левика)

Рудаки упрекает богача, наслаждающегося жизнью, за то, что он глух к страданиям угнетенных людей:

Каждый день ты ловишь ухом сладких песен звоны,
Но услышать ты не хочешь угнетенных стоны.

(Перевод С. Липкина)

Осуждая угнетателей и сочувствуя простым людям, страдающим от социального гнета, Рудаки всегда стоит на стороне обиженного и бросает вызов судьбе, обрекающей человека на страдания:

Всегда дружу я с тем, кто осужден толпой.
Зато я не дружу с ничтожною судьбой.

(Перевод С. Липкина)

Но поэт видел, что народ не в силах сбросить с плеч своих угнетателей, всех, кто создавал свои богатства на его потё и слезах. И в некоторых стихах Рудаки появляются грустные, пессимистические ноты, звучит разочарование в жизни вообще:

Как долго ни живи, но, право слово,
Помимо смерти нет конца иного.
Кончается петлей веревка жизни,
Увы, таков удел всего земного.
Живи спокойно, в роскоши, в богатстве,
Иль в тяготах твой век пройдет сурово,
Владей землей от Рея до Тараза,
Иль малой долей уголка глухого, —
Всё бытие твоё — лишь сон мгновенный,
А сон пройдет, не повторится снова.
В день смерти будет все тебе едино,
Не отличишь дурного от благого.

(Перевод С. Липкина)

Или, например:

Ушли великие, ушли навек отселе,
Ушли туда, где нет ни стонов, ни веселий.
Сошли под землю те, кто воздвигал чергоги,
И вот изо всего, чем на земле владели,

Из всех богатств они лишь саван захватили,
И то, что дали нам, и то, что сами съели.

(Перевод С. Липкина)

В годы жизни при дворе Рудаки пытался силой своего поэтического дара обратить внимание правящих классов на бедственное положение крестьян и ремесленников. Он предостерегал власть имущих от несправедливых поступков и призывал их воздерживаться от злых дел.

Не для насилья и убийств мечи в руках блестят;
Господь не забывает зла и воздаст стократ.
Не для насилья и убийств куется правый меч,
Не ради укуса лежит в давилъне виноград,
Убитого узрел Иса¹ однажды на пути,
И палец прикусил пророк, унынием объят.
Сказал: «Кого же ты убил, когда ты сам убит?
Настанет час, и твоего убийцу умертвят».
Непрошенный, в чужую дверь ты пальцем не стучи,
Не то услышишь: в дверь твою всем кулаком стучат...

(Перевод С. Липкина)

Рудаки устрашает угнетателей и убийц невинных труженников наказанием в загробном мире, ибо, по мнению поэта, господь бог отомстит угнетателям за все совершенные ими злодеяния.

Жизнь при дворе Саманидов, разумеется, повлияла на содержание поэтических произведений Рудаки. Но поэт не сделал свою музу служанкой аристократов, он не стал панегиристом, восхвалявшим владык и правителей, он остался народным поэтом.

Выходец из народа, он в основных мотивах своего творчества был близок к фольклору и народным тенденциям. В его творчестве громко звучат социально-обличительные мотивы. Например:

Глупцом считает сытый голодного,
Ибо боль одних людей не трогает других.

Или:

У этих — мясо на столе, из миндаля пирог отменный,
А эти — впроголодь живут, добыть им трудно хлеб ячменный.

(Перевод С. Липкина)

За роскошью и пышностью двора Саманидов, за лъстивыми улыбками его приближенных Рудаки увидел жестокое лицо тиранов, их равнодушие к судьбе простых людей.

Как тебе не надоело в каждом ближнем видеть скрагу,
Быть слепым и равнодушным к человеческой судьбе!
Изгони из сердца жадность, ничего не жди от мира,
И тотчас безмерно щедрым мир покажется тебе.

(Перевод В. Левика)

¹ Иса — Христос.

В конце жизни Рудаки с глубоким разочарованием писал:

Мой стих — Иосиф Прекрасный, я пленник его красоты
Мой стих — соловьиная песня, к нему приковал меня рок.

Не мало вельмож я видел и не в одном распознал.
Притворную добродетель и затаенный порок.

Одно таил я желанье: явиться примером для них,
И вот... разочарованье послал в награду мне бог.

(Перевод В. Левика)

* * *

В произведениях Рудаки значительное место занимает назидательная, дидактическая поэзия.

В средние века в народе существовало искреннее убеждение в том, что люди по своей природе делятся на добрых и злых, справедливых и угнетателей, щедрых и жадных, избранных и простых. Поэтому защита добрых и борьба со злыми составляла основное содержание назидательных произведений. Этот вид литературного творчества был широко распространен в таджикской классической литературе и раньше и высоко ценился любителями поэзии.

Произведения назидательного характера выражали в сжатой, краткой и художественно-выразительной форме жизненный опыт и мудрость народа, накопленные веками. Идейная направленность дидактической поэзии тесно связана с жизнью народа. Это и понятно, так как стремление к высокой нравственности, справедливости и гуманности характерно для мировоззрения широких народных масс.

В поэзии Рудаки подытожены достижения назидательной литературы, существовавшей до X века. Вместе с тем большой жизненный опыт, богатство знаний и близость к народу сделали дидактическую поэзию Рудаки новой ступенью в развитии этого вида литературы и позволили ему выразить гуманистические идеи, характерные именно для этого исторического периода.

Назидания Рудаки по своему содержанию делятся на две части. К первой относятся назидания, имеющие общечеловеческий характер и потому до наших дней не потерявшие своего значения; вторую часть составляют назидания, порожденные определенным обществом и с уничтожением этого общества утратившие интерес.

Вот двустишие, свидетельствующее о силе и жизненности назиданий Рудаки:

Тех, кто жизнь прожив, от жизни не научится уму,
Никакой учитель в мире не научит ничему.

(Перевод С. Липкина)

Центральное место в дидактических произведениях Рудаки занимает тема разума и знания, выступавшая одним из основных мотивов поэзии X века.

Рудаки призывает к знанию и ставит его выше всех богатств:

С тех пор как существует мироздание,
Такого нет, кто б не нуждался в знанье.

Какой мы ни возьмем язык и век, —
Всегда стремился к знанью человек,

А мудрые, чтобы каждый услышал их,
Хваленья знанью высекли на скалах.

От знания в сердце вспыхнет яркий свет,
Оно для тела — как броня от бед

(Перевод С. Липкина)

Говоря о высокой ценности знаний и необходимости их приобретения, Рудаки порицает отцов, которые не передают своих знаний детям, не дают им воспитания и не прививают им любовь к наукам:

Как жаль, что отпрыск неразумный
Рождается от мудреца:

Не получает сын в наследство
Талант и знания отца.

(Перевод С. Липкина)

Некоторые наставления поэта касаются отдельных свойств человеческого характера и условий, при которых человек может считать себя счастливым. Четыре вещи, по мнению Рудаки, необходимы для полного счастья: здоровье, хороший нрав, доброе имя и разум:

Всевышний спас меня от горя, четыре качества мне давл
То — имя доброе и разум, злоровье и хороший нрав.

Любой, кому даны всевышним четыре качества такие,
Пройдет свой долгий путь без горя, людских печалей не узнав.

(Перевод В. Левика)

Рудаки призывает человека к совершенствованию, к более глубокому подходу к жизненным вопросам, к уменью отличать внешнюю видимость от сущности явлений:

Сквозь облочку мира глаз твой не видит жизни сокровенной,
Так научись глазами сердца глядеть на таинства вселенной;

На все, что зримо и телесно, гляди открытыми глазами,
Но сердце научи увидеть изнанку видимости бренной.

(Перевод В. Левика)

В ряде стихотворений дидактического характера Рудаки прославляет благородство, щедрость и величие. Благороден, по мнению Рудаки, тот, кто стремится помочь несчастным и обездоленным:

Слепую прихоть подавляй — и будешь благороден!

Калек, слепых не оскорбляй — и будешь благороден!

Не благороден, кто на грудь упавшему наступит.

Нет! Ты упавших поднимай — и будешь благороден!

(Перевод В. Левика)

Рудаки внушает людям сознание необходимости быть гуманными и великодушными друг к другу и особенно по

отношению к просящему, ибо, вынужденный просить подаяния, он испытывает горький стыд и муки:

Просителей иные не выносят:
Не выслушав, на полуслове бросят.
Ты слушаешь, но выслушать не в силах.
А каково же мне, который просит?

(Перевод С. Липкина)

Есть у Рудаки и такие стихи, в которых он с большим сочувствием говорит о человеческих страданиях, но не советует предаваться отчаянию и скорби:

Печальный друг, достойный уваженья,
Ты, втайне льющий слезы униженья!

Умершего не назову я имя, —
Боюсь, опять познаешь ты мученья.

Ушел ушедший и пришел пришедший,
Кто был, тот был, — к чему же огорченья?

(Перевод С. Липкина)

Несмотря на неустроенность мира, поэт призывает к любви к жизни, к радости и довольству малым:

О Рудаки, будь волен духом, не так, как прочий люд, живи!
И разумом и сердцем светел, как мудрецы живут, живи!
Не думай, что тебе лишь плохо, для всех же — мир благоустроен,
Пойми: плохого много в мире; ты для благих минут живи!

(Перевод В. Левика)

В противовес сухим догмам ислама и мистической отрешенности религиозного фанатизма, отрицавшего реальную любовь и допускавшего лишь любовь божественную, аллегорическую, Рудаки воспевает живые человеческие страсти, радости и прелести земной любви. Так, он с явной насмешкой заявляет, что молитвам предпочитает красавиц:

Оставь михраб¹ Предпочитай пиры,
Где гурии Тараза, Бухары!
Живи для них! Мой бог молитв не любит.
Он для любовной создал нас игры,

(Перевод В. Левика)

О восторженном отношении к жизни свидетельствует упоминавшаяся уже нами знаменитая касида Рудаки «Ода старости», в которой поэт вспоминает свою былую юность:

Я сердце превратил свое в сокровишницу песен,
Моя печать, мое тавро — мои стихи простые.
Я сердце превратил свое в ристалище веселья,
Не знал я, что такое грусть, томления пустые.
Мой слух всегда был обращен к великим словотворцам,
Мой взор красавицы влекли, шалуньи озорные.

¹ М и х р а б — ниша в мечети, в сторону которой обращались молящиеся.

Забот не знал я о жене, о детях, о семействе,
Я вольно жил, я не слышал про тяготы такие.

(Перевод С. Липкина)

Дидактическая направленность особенно ярко выражена в книге Рудаки «Калила и Димна», которая является не просто переводом с арабского, а творческой переработкой большого художника и поэтому может рассматриваться как оригинальное произведение Рудаки.

В лирических стихах Рудаки имеются все элементы традиционной тематики любовных газелей: прославление красоты возлюбленной, жалоба на ее коварство и жестокость, жалоба на соперника, описание мук ревности и мук разлуки, но при всем этом стихи Рудаки дышат особой прелестью и живой неповторимостью.

Вот, например, описание возлюбленной:

Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз.
Цвет взяла для щек румяных, аромат — для черных кос.
Станут розовыми воды, где омоешь ты лицо,
Пряным мускусом повеет от распущенных волос.

(Перевод В. Левика)

А вот как описывается разлука, один из излюбленных мотивов таджикского народного творчества:

Моя душа больна разлукой, тоской напрасной ожиданья.
Но от возлюбленной, как радость, она примет и страданья.
Тебя ночами вспоминаю и говорю: великий боже!
Отраднa и разлука с нею, каким же будет день свиданья!

(Перевод В. Левика)

Прекрасны стихи Рудаки, посвященные описанию природы. Тема природы у него в значительной степени переплетается с двумя другими темами. Так, описание родного города и края выливается у поэта в прославление родины и, таким образом, становится темой патриотической. Такова уже упоминавшаяся непревзойденная импровизация о Бухаре.

С другой стороны, тема природы у Рудаки неразрывна с темой любви и любовными образами:

Цветок смеется мне вдали — иль то зовет меня Лейли?
Рыдая, облако пройдет — Маджнун, быть может, слезы льет?
И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод.

(Перевод В. Левика)

Следует подчеркнуть, что наряду с отмеченной выше тематикой, в стихах Рудаки видное место занимают философские размышления. Так, например, в «Оде старости» Рудаки приходит к выводу о круговороте вещей:

Так мир устроен, чей удел — вращенье и круженье,
Подвижно время, как родник, как струи водяные.
Что ныне снадобьем слышет, то завтра станет ядом,
И что ж? Лекарством этот яд опять сочтут больные.
Ты видишь: время старит все, что нам казалось новым,
Но время также молодит деяния былые.
Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые

(Перевод С. Липкина)

Интересно отметить, что в поле зрения мыслителя Рудаки находились вопросы дружбы и взаимопонимания между людьми, независимо от исповедуемой религии. По его мнению, подлинная дружба людей не имеет никакого отношения к вере и друзья могут принадлежать к различным религиозным направлениям:

Всякий, кто другу своему друг,
Он должен быть другом, даже если тот — неверный (иноверец).
В беде (лишь) можно узнать друга,
Ибо, когда ты в достатке, то друзей — сто тысяч.

* * *

Рудаки является основоположником таджикско-персидской классической литературы, сложившейся в X веке. Недаром иранские ученые, и прежде всего профессор Сайид Нафиси, считают родиной поэзии на фарси Мавераннахр.

Все ираноязычные народы видят в Рудаки своего классика — основоположника своей литературы. В период, когда арабский язык был не только государственным языком, но и языком литературы, науки и религии, а в аристократических кругах и разговорным, Рудаки, опираясь на родной таджикский язык и таджикское устное народное творчество, создал таджикский литературный язык и боролся за его утверждение.

Рудаки изучал народный язык и устное народное творчество, и некоторые его стихи по стилю близки к народным произведениям, например:

Гули бахори, бути татори!
Набид дори, — чаро наёри?
Набиди равшан, чу абри бахман,
Ба назди гулшан чаро наёри?
Весенняя роза, татарский светлоликий кумир!
Есть у тебя вино, — почему не приносишь?
Ясное вино, словно облако в месяц бахман¹,
В цветник почему не приносишь?

Касиды Рудаки в течение долгого времени оставались непревзойденным образцом для поэтов.

¹ Бахман — 11-й месяц иранского солнечного года (21 января — 19 февраля).

Рудаки создал огромное количество произведений. По данным источников, Рудаки является первым в истории таджикско-персидской литературы поэтом, произведения которого составляли диван (полное собрание сочинений).

Наконец, Рудаки создал свой особый, только его стихам свойственный стиль. Многие последователи Рудаки подражали ему, но ни одному из них не удалось овладеть этим стилем в той мере, в какой им владел Рудаки. Это признавали известные поэты того времени и последующих веков. Стихотворение, принадлежащее перу одного из крупных поэтов XI века — Унсури, свидетельствует о том, как высоко ценился этот стиль:

Хороши «рудакийские» газели (т. е. газели, писанные стилем Рудаки — Х. М.).

Мои стихи не «рудакийские».

Хотя я упорно стремлюсь к тонкости его стихов,

Но нет мне доступа за завесу (к закрытому).

Личность и творчество Рудаки еще при жизни поэта были окружены легендами и, начиная с X века, служили предметом разноречивых толков и высказываний.

Многие выдающиеся таджикские поэты и ученые с уважением отзывались о Рудаки, давая высокую оценку его стихам.

Следующими словами характеризует стихи Рудаки его ученик Шахид Балхи:

Если стихи поэтов напоминают обыденные слова,

То у Рудаки и слова сочны, как спелая хурма.

Если для поэтов и одобрение подобно восхвалению,

То для Рудаки и одобрение, как порицание.

Высоко ценил поэтический дар Рудаки поэт Дакики, являющийся вторым по значению после Рудаки поэтом раннеклассического периода.

По словам автора «Китаб-ул-ансаб» ас-Сам'ани, Абвл-фазл Бал'ами сказал о Рудаки: «Нет подобного Рудаки ни в Арабистане, ни в Аджаме».

Низоми Арузи в своей книге «Чохор макола» («Четыре трактата») называет «детьми» и «невеждами» тех, кто порицает стихи Рудаки и пытается поставить себя выше его:

О ты, порицающий стихи Рудаки,

Порицание твое происходит от невежества и незрелости,

И тот, кто понимает толк в стихах, знает, что во всем свете

Мастером поэзии является Устод Рудаки.

Высоко оценивает творчество Рудаки Мухаммад Ауфи в названной выше книге «Сердцевина сердец»:

«Он родился слепым, но был столь талантлив и восприимчив, что к восьми годам знал наизусть весь Коран и

стал чтецом Корана; он принялся складывать стихи, причем такого тонкого содержания, что народ восторженно встречал их. Любовь к нему все возрастала, к тому же господь одарил его прекрасным голосом и способностью очаровывать сердца. Благодаря своему голосу он сделался певцом и научился игре на барбате (лютне) у Абулаббоса Бахтиёра, который был выдающимся музыкантом. Рудаки стал мастером игры, и слух о нем прошел по всему миру. Эмир Наср, сын Ахмада Саманида, бывший эмиром Хорасана, особенно приблизил его к себе, и он пошел в гору... После него никто из поэтов не имел такого богатства, и такого счастья не выпадало ни на чью долю. И еще говорят, — за точность не ручаюсь, — что его стихи составляют сто сборников (тетрадей), и ожерелья его касид наполнены бесподобными наставлениями...».

Наконец, дань уважения и восхищения отдает стихам Рудаки крупнейший поэт XV века Абдурахмон Джоми:

Жемчужины низавший мастерски,
Саманов дом прославил Рудаки.

Он спутником народа был родного,
Не мог избрать обычая иного.

Не уставал он жемчуга низать,
Они — четырехсот верблюдов кладь.

Он бранный мир покинул на верблюде,
Наследники его сокровищ — люди.

Живут стихи — и он живет сейчас,
Поэта имя — светоч наших глаз...

(Перевод С. Липкина)

Но подлинно всенародное признание Рудаки обрел лишь после Великого Октября.

Возрожденный к новой жизни таджикский народ с любовью читает и перечитывает бессмертные творенья великого поэта, глубокое изучение которого началось лишь в советский период.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
Из истории родины Рудаки	3
Жизнь Рудаки	6
Литературное наследие Рудаки	11

Автор
Халик Мирзаевич Мирзо-заде

Редактор Е. Н. Конюхова
Техн. редактор А. П. Берлов
Корректор Л. С. Малышева

А05696. Подписано к печати 28/VIII-1958 г. Тираж 64 000 экз. Изд. № 205
Бумага 60×92¹/₁₆—0,75 бум. л.=1,5 п. л. Учетно-изд. 1,43 л. Заказ 3141

Типография изд-ва «Знание», Новая пл., д. 3/4.

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»**

**Принимается подписка
на брошюры-лекции на 1959 год**

Брошюры-лекции выпускаются в помощь лекторам и пропагандистам, а также лицам, занимающимся самообразованием. В них освещаются вопросы марксистско-ленинской теории, внутренней и внешней политики Советского Союза, международных отношений, важнейшие достижения в различных областях науки и техники, передовой опыт коммунистического строительства.

В 1959 году выпускается десять серий:

Первая серия — ИСТОРИЧЕСКАЯ — 40 брошюр

В состав серии входят брошюры по вопросам истории КПСС, истории СССР, всеобщей истории и военно-исторических знаний.

Вторая серия — ФИЛОСОФСКАЯ — 40 брошюр

В состав серии входят брошюры главным образом по вопросам диалектического и исторического материализма и истории философии. Наряду с этим подписчики получают также несколько брошюр по вопросам государства и права, педагогики и научно-атеистических знаний.

Третья серия — ЭКОНОМИЧЕСКАЯ — 40 брошюр

В состав серии входят брошюры по политической экономии, экономике промышленности и сельского хозяйства и отдельным вопросам торговли и транспорта.

Четвертая серия — НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ — 36 брошюр

В серии будут публиковаться материалы о выдающихся достижениях в области науки и техники, о передовом производственном опыте, а также об истории отдельных технических открытий.

Пятая серия — СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ — 32 брошюры

В серию входят брошюры об укреплении колхозного строя в СССР, о достижениях сельскохозяйственной науки и производства, о механизации сельскохозяйственных работ, об опыте новаторов и передовиков сельского хозяйства.

Шестая серия — по вопросам ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

— 24 брошюры

Серия посвящается вопросам советской и классической литературы народов СССР и зарубежной литературы, отдельным отраслям искусства, а также некоторым вопросам литературоведения, языкознания и эстетики.

Седьмая серия — МЕЖДУНАРОДНАЯ — 24 брошюры

В состав серии входят брошюры по отдельным проблемам международных отношений в борьбе за мир и безопасность народов, внешней политики и международного положения СССР и других социалистических государств, внешней политики капиталистических стран, а также по вопросам коммунистического, рабочего, демократического и национально-освободительного движения.

Восьмая серия — по вопросам БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЫ

— 24 брошюры

В брошюрах серии освещаются теоретические вопросы биологии, данные о новых достижениях биологической науки и их практическом использовании и успехах советской медицины.

Девятая серия — по вопросам ХИМИИ И ФИЗИКИ — 28 брошюр

В серии освещаются отдельные проблемы химии, физики, астрономии, мирного использования атомной и термоядерной энергии. В серию войдут также брошюры о научных результатах международного геофизического года и несколько брошюр по вопросам геологии и географии.

Десятая серия — МОЛОДЕЖНАЯ — 12 брошюр

Серия состоит из брошюр по истории комсомола, о героизме советской молодежи в строительстве коммунизма, о дружбе и товариществе, о моральном облике молодого человека и других.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Серия	К-во брошюр	Подписная цена		Серия	К-во брошюр	Подписная цена	
		на год	на полугодие			на год	на полугодие
Первая	40	24 руб.	12 руб.	Шестая	24	12 руб.	6 руб.
Вторая	40	24 »	12 »	Седьмая	24	14 р. 40 к.	7 р. 20 к.
Третья	40	24 »	12 »	Восьмая	24	14 р. 40 к.	7 р. 20 к.
Четвертая	36	21 р. 60 к.	10 р. 80 к.	Девятая	28	16 р. 80 к.	8 р. 40 к.
Пятая	32	16 р. 20 к.	8 р. 10 к.	Десятая	12	7 р. 20 к.	3 р. 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ городскими и районными отделами «СОЮЗПЕЧАТЬ» конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах в учебных заведениях и учреждениях.

К ЧИТАТЕЛЯМ — ПОДПИСЧИКАМ НА БРОШЮРЫ-ЛЕКЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗНАНИЕ»

Издательство «Знание» информирует подписчиков,
что в 1959 году будут выпускаться следующие
10 серий брошюр-лекций:

Серия	Количество брошюр	Цена за год	Цена за полугодие
Первая — Историческая	40	24 руб.	12 руб.
Вторая — Философская	40	24 »	12 »
Третья — Экономическая	40	24 »	12 »
Четвертая — Научно-техническая	36	21 р. 60 к.	10 р. 80 к.
Пятая — Сельскохозяйственная	32	16 р. 20 к.	8 р. 10 к.
Шестая — По вопросам литературы и искусства	24	12 руб.	6 руб.
Седьмая — Международная	24	14 р. 40 к.	7 р. 20 к.
Восьмая — По вопросам биологии и медицины	24	14 р. 40 к.	7 р. 20 к.
Девятая — По вопросам химии и физики	28	16 р. 20 к.	8 р. 10 к.
Десятая — Молодежная	12	7 р. 20 к.	3 р. 60 к.

Подписка принимается городскими и районными отделами «Союзпечать», конторами, отделениями и агентствами связи, почталыонами, а также общественными уполномоченными по подписке на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах, в учебных заведениях и учреждениях.

*Издательство «ЗНАНИЕ»
Всесоюзного общества по распространению
политических и научных знаний.*